

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЛЛЮМИНАТОРА

Так он писал темно и вяло,
Что гностицизмом мы зовём,
Хоть гностицизма я нимало
Не вижу в том...

Пушкин, А. С., цит. по памяти

Монография М. Ю. Оренбурга «ГНОСТИЧЕСКИЙ МИФ, Реконструкция и интерпретация» (М., 2011) посвящена, как явствует из аннотации, анализу «оригинальных гностических рукописей сифианского *толка* (sic!), а также свидетельств христианских апологетов и неоплатоников о гностиках и гностицизме. Автор рассматривает сифианский гностицизм как раннюю форму учения "гнозиса" и предлагает новаторскую гипотезу происхождения гностических воззрений в среде эллинизированных евреев. В книге дается реконструкция сифианского учения и его интерпретация как экзегезы Торы и формы религиозного синкретизма, в основе которой лежит мистерия обретения "жизни вечной"».

Прежде всего, полагаю своим долгом отметить, что современная российская культура вообще не слишком богата произведениями, так или иначе связанными с "гностической" тематикой, а появление серьезной научной работы, посвященной проблематике гностицизма и его отношения к раннему христианству, можно только приветствовать. К сожалению, по мере чтения чувство восхищения прекрасно изданной книгой с огромной библиографией, обширными цитатами из аутентичных гностических писаний, привлечением иудейского галахического материала и словарём «религиозно-философских понятий сифианского гностицизма» сменяется недоумением, а затем и разочарованием.

У Св. Иринея, великого религиозного основателя, с крошечной группкой единомышленников практически на пустом месте создавшего то, что мы сегодня называем католической ортодоксией или «историческим церковным христианством», есть прекрасный образ:

«если кто, взяв царское изображение, прекрасно сделанное умным художником из драгоценных камней, уничтожит представленный вид человека, переставит и приведет в другой вид эти камни, и сделает из них образ пса или лисицы, и об этом негодном произведении будет потом отзываться и говорить: "вот то самое прекрасное царское изображение, которое произвел умный художник", указывая при сем на камни, из которых первым художником прекрасно сделано было царское изображение, а последним дурно переделано в

изображение пса, и указанием на камни станет обманывать и убеждать неопытных, не имеющих понятия о царском лице, что этот гнусный вид лисицы есть то самое прекрасное изображение царя; таким же образом и эти люди шивают старушки басни...»

У уважаемого автора, Оренбурга М. Ю., не получается не только «царского образа», но и изображения лисички. Камешки беспомощно сыплются, не складываясь ни в какую логичную мозаику. Вырванные из контекста цитаты, призванные иллюстрировать те или иные положения «реконструкции и интерпретации», не иллюстрируют ничего, кроме каких-то смутных процессов в сознании автора, едва ли имеющих хотя бы опосредованное отношение к обещанному читателям «сифианскому гностицизму». Совершенно непонятны и никак не прояснены автором основания датировки и периодизации «сифианских» писаний, которые оказываются то христианскими, то «(механически) христианизированными», а то и «полемическими», т.е., по мысли автора, антихристианскими.

Несостоятельным, т.е. анахроничным и аисторичным, оказывается и новаторство:

«Наиболее вероятным местом формирования гностического мировоззрения является Александрия — один из крупнейших городов Римской Империи, в котором взаимодействовали египетская, греческая, иудейская и христианская культуры. Известно, что в Александрии существовала крупная иудейская община. Логично предположить, что была и большая прослойка эллинизированных евреев, которые были вполне успешно интегрированы и социализированы в римском обществе. По этой причине эллинизированные евреи не были заинтересованы в продолжение войны за независимость Иудеи. Раскол между диаспорой и Палестиной лишь усугубился после разрушения Иерусалимского Храма (70 г. н.э.), подавления восстания Бар-Кохбы (131-135 гг.) и изгнания евреев с земли обетованной. Самоидентификация гностиков с праведным Сифом и противопоставление сифиан потомкам братоубийцы Каина, т.е. палестинским евреям и римским архонтам, может показаться в этом контексте вполне логичной» (стр. 29).

Предположить нечто подобное, действительно, было бы логично, но с автором сыграло злую шутку слабое знание истории еврейского народа: к 20-м годам 2-го века, т.е. задолго до поражения Бар-Кохбы, просуществовавшая несколько столетий еврейская община Александрии Египетской была разгромлена и практически уничтожена. Александрийские греки воспользовались совершенно естественным после антиримского восстания 70-х годов 1-го века недоверием римских властей к евреям и изобразили ожесточенный межэтнический конфликт как борьбу верных подданных Рима с извечными бунтовщиками-евреями, что и позволило им переложить ответственность за кровавые беспорядки и погромы на пострадавшую сторону.

А уж приписанное евреям диаспоры отождествление палестинских евреев с «сынами Каина» является в чистом виде выдумкой автора, не имеющей никаких оснований в текстах и не более адекватной, чем широко распространённое в известных кругах *антисемитское* понимание стиха 8:44 Евангелия от Иоанна. Более того, самого выражения «сыны» или «дети Каина» нет ни в одном гностическом писании, а редакция, в которой дошли до нас гностические писания, категорически исключает их бытование в среде не только иудеев, сколь угодно «еретических», но хотя бы христиан из евреев.

«Реконструкция гностического понятийного аппарата на оригинальном для традиции древнегреческом языке проведена на основе всестороннего филологического анализа Берлинского Коптского Папируса 8502, который провел А. С. Четверухин, а также переведенных им на русский язык, исправленных и дополненных "Коптско-немецкого словника", "Греко-немецко-коптского словника" и "Списка имен собственных" немецких коптологов В. Тилля и Г. М. Шенке» — утверждает автор.

Возможно, приведённые в обширной таблице в конце книги греческие слова что-то и означают для автора и существующей исключительно в его воображении схематизации «сифианского толка», что, впрочем, никак не отражено в книге. Отмечу однако, что Тилль, Шенке и переведший их работу А. С. Четверухин снабдили издание вполне стандартным для изданий такого рода словником, не выделяя никакого понятийного аппарата. Издание же, действительно предназначенное для исследования понятийного аппарата гностических писаний, т.е. Nag-Hammadi-Register. Angefertigt von F. Siegert. Einführung von A. Böhlig. Tübingen 1982, Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament, 26, было проигнорировано автором, а скорее, просто ему неизвестно.

Отдельного упоминания заслуживают многочисленные очень странные цитаты из гностических рукописей в тексте книги. «Все переводы гностических текстов сделаны нами с учетом соответствующих русских, английских и немецких переводов» — пишет Оренбург. Судя по качеству этих переводов, сделаны они всё же не совсем самостоятельно, а с использованием электронного переводчика Prompt. Либо это "переводы с русского на русский", призванные внести в текст те или иные положения, иллюстрирующие ход мысли автора книги, но объективно отсутствующие как в оригинальных гностических рукописях, так и — разумеется! — в их корректных переводах на любой язык.

Достаточно указать на «великого Иллюминатора», который по мнению автора, уважаемого Оренбурга М. Ю., спускается с небес и «приносит людям инсайт». На тот случай, если автор не в курсе, "иллюминатор" это соответствующим образом застекленное и гидроизолированное отверстие в борту корабля. Есть ещё литературный критик Дора Иллюминатор, публиковавшаяся, если не

ошибаюсь, в Нью-Йоркском издании "Новое Русское Слово". Но летающий по небу Великий Иллюминатор Гнозиса это уже не новое русское слово, а поистине новое слово в науке, на фоне которого даже повторяющиеся написания Σακλασ, а отнюдь не Σάκλας, "Доситхеас" вместо "Досифей", а немногочисленных ивритских терминов слева направо, а не наоборот, как это вообще-то принято в языке иврит, выглядят милыми детскими шалостями.

«В ходе интерпретации гностического учения мы развиваем концепцию Курта Рудольфа о гностицизме как формы протестной экзегезы в оригинальную гипотезу происхождения гностиков из среды эллинизированных евреев» — настаивает автор, но с этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку он, как, впрочем, и К. Рудольф, и русские теологи конца позапрошлого / начала прошлого веков, и ещё многие и многие богословы и историки давнего и даже недавнего прошлого развивает концепцию «гностической ереси», разработанную в конце 2-го столетия Иринеем Лионским, человеком, в известных кругах весьма авторитетным, но едва ли заслуживающим безоговорочного доверия.

Именно традиционное доверие исследователей к мифологическим построениям покойного *категорически исключает саму возможность* критического осмысления гностического мифа, его интерпретации и схематизации. К сожалению, предложенная Майклом Алленом Вильямсом (Williams M., Rethinking Gnosticism. An Argument for Dismantling a Dubious Category. — New Jersey: Princeton University Press, 1996) методика выхода из тупика (предлагающая отправить в мусорную корзину все «ересиологические» лжесвидетельства и спекуляции и руководствоваться внутренней логикой самих «гностических» писаний) отвергнута Оренбургом без каких-либо внятных обоснований.

Для иллюстрации степени понимания автором излагаемого им же самим материала, достаточно указать, что за фразой: «мы действительно не можем говорить о гностицизме как о самостоятельной религии, так как не существует никаких источников, которые бы свидетельствовали о существовании гностических воззрений до первого века н.э. и вне иудео-христианского контекста», — в тексте непосредственно, в этом же абзаце, следует фраза: «Гностическое отождествление Иисуса Христа с Сифом и Протеннойей, ипостасью Софии, а также попытка конвергенции гностических воззрений с неоплатонизмом, философией, которая претендовала на статус вершины духовной культуры языческого Рима, говорит о первоначальной нехристианской природе гностических воззрений». Поскольку два утверждения полностью исключают друг друга, остаётся всё же вопрос, христианской или нехристианской — по мнению уважаемого Оренбурга М. Ю. — является эта самая «природа гностических воззрений»?

Об этой же природе чуть далее:

«Гностицизм представляет собой традицию, которую можно охарактеризовать как: 1) Эзотерическую, поскольку она противопоставляет верования масс и тайны, которые доступны лишь посвященным в мистерию; 2) Элитарную, поскольку она делит всех людей на группы по принципу предрасположенности и способности понять эти тайны; 3) Мифопоэтическую, поскольку она представляет собой результат конвергенции мифопоэтического языка и логиго-дискурсивного мышления; 4) Магическую синкретическую, поскольку она претендует на знание особых, «незримых» и «нематериальных» связей между явлениями, знание, которое рассеяно в различных традициях и религиях» (стр. 154) — нечто маловразумительное, не так ли? Совершенно естественно, что автор, опираясь на вторичные и маловажные, а зачастую и взаимоисключающие признаки, и игнорируя при этом сущностные и уникальные признаки «гностицизма» в т.ч. и «сифианского» (если мы вообще вправе говорить о нём как о реально существовавшем феномене), вынужден подменять *определение*, в подобной «мифопоэтической» беллетристике просто невозможное, *описаниями* и фантазиями.

Особенно характерным в данном случае оказывается пункт 2 описания автора, уважаемого Оренбурга М. Ю., про гностическую «элитарность», которая «делит всех людей на группы по принципу предрасположенности и способности понять эти тайны». Искренне сочувствую, но вся книга является наглядной демонстрацией принадлежности уважаемого автора к группе, предрасположенной и способной воспринять простую и понятную логику «гностического» мифа лишь «мифопоэтически», как некую страшную и немножко непристойную эзотерическую тайну. И хаотически, даже не близко к тексту, пересказать её, судорожно путаясь в сюжетных линиях. Курьёзно, но в единственном случае, когда имело бы смысл говорить о «тендерно-сексуальной символике» вплоть до «инцеста», **которой автор весьма увлечён**, он эпизод игнорирует.

Я не мог бы рекомендовать книгу ни историкам, ни философам, ни религиоведам, ни культурологам, ни всем, кто интересуется историей иудаизма, раннего христианства и религий Античности, ни кому бы то ни было еще (а именно на такую аудиторию указывает нам аннотация). Напротив, я рекомендовал бы автору извлечь свою заблудшую душу из бездны хаоса не на шутку разбушевавшейся фантазии (стр. 146). Нового духовного рождения и объединения всего земного и небесного обещать, к сожалению, не могу, но над ним хотя бы перестанут потешаться люди, элементарно владеющие гностической проблематикой. Той самой проблематикой, которой уважаемый автор посвятил не только книгу, но и диссертацию на соискание кандидатской степени (вероятно, по условиям пост-советского *мракобесия*, допускающего к преподаванию в МГУ им. М. В. Ломоносова не только популярного проповедника Кураева, но и оккультиста Дугина, небезуспешно защищённую).

Впрочем, если бы уважаемый автор позиционировал себя как оккультист, мистик и эзотерик, а не как учёный-религиовед, наше отношение к его работе было бы принципиально иным. Как верно заметил однажды Хорхе-Луис Борхес, «случайный выбор умерших сновидений подразумевает и такое сновидение, о котором неизвестно даже то, был ли у него сновидец», — а в нашем случае сновидец, причём сновидец высоко одаренный, на уровне если не Папюса, то хотя бы всё того же Дугина, с очевидностью есть. Требовалось всего лишь писать не «гностики» или «сифиане верили», а «я, Оренбург М. Ю., верую и исповедую, что» — и далее по тексту "Основных выводов" (стр. 148-149 книги, с пункта а) по пункт ж)). Это было бы не только гораздо более честно, но и вызывало бы известное уважение, а там, глядишь, и до появления духовных последователей недалеко. В конце концов, миллиарды людей на планете веруют и не стесняются исповедовать свою веру в предметы ещё более странные и нелепые, чем автор приписывает своим «сифианам» и «гностикам».

Дм. Алексеев
27.08.2011